

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 230

ХАРЬКОВЪ, ПЯТНИЦА 28 АВГУСТА (9 СЕНТЯБРЯ) 1881 ГОДА.

ГОДЪ I.

Редакторъ А. Н. Стояновъ

Издатель А. А. Юзифовичъ.

Главная контора газеты въ Харьковѣ, на Московско-й улицѣ, въ домѣ Императорскаго Университета, № 7, при Публичной Библиотецѣ. Александръ Александровичъ Юзифовичъ, принимаетъ подписку и объявленія; открыта въ будни отъ 9 час. утра до 7 час. вечера, а въ воскресенье и праздничные дни отъ 11 до 4 час. дня.

Редакция газеты помещается въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1; для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 2 до 8 час. дня. Статьи, доставляемыя безъ означенія условий, принимаются безплатно. Статьи и корреспонденціи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть за подписью и съ адресомъ автора.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЖЕМ „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1881 ГОДА.

Условия подписки:

Безъ доставки. Съ доставкой. Съ перес. нонор.

На 1 годъ	10 р. 50 к.	12 р. — к.	12 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	6 р. — к.	7 р. — к.	7 р. 50 к.
„ 5 „	5 р. 40 к.	6 р. 30 к.	6 р. 60 к.
„ 4 „	4 р. 50 к.	5 р. 20 к.	5 р. 60 к.
„ 3 „	3 р. 50 к.	4 р. — к.	4 р. 50 к.
„ 2 „	2 р. 40 к.	2 р. 80 к.	3 р. 20 к.
„ 1 „	1 р. 20 к.	1 р. 40 к.	1 р. 60 к.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждаго срока простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ, редакціи газеты, въ г. Харьковѣ, на Московско-й ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7, при Публичной Библиотецѣ; А. А. Юзифовичъ; ТАЖЪ ЖЕ принимаются въ книжныхъ магазинахъ: Н. Г. Мартынова, въ „Домѣ Ученыхъ“, въ Москвѣ; въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, въ Киевѣ; въ книжномъ магазинѣ Е. И. Федорова, въ Одессѣ; въ книжномъ магазинѣ В. И. Билибинъ, въ Петербургѣ; въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бонно-Родина, въ Кронштадтѣ, у юнатуры И. Ф. Зинбербергъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ у Havas, Lafitte et Co, Place de la Bourse; въ Москвѣ — въ Центральной конторѣ ОБЪЯВЛЕНІЙ для всѣхъ славянскихъ языковъ, на Петровскій, докъ Солодовникова, въ Петербургѣ — въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Солодовникова; въ Варшавѣ — въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френкель на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 23.

Главная контора газеты проситъ гг. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газеты.

ПРОДАЕТСЯ

Нѣмецкая ул., д. Жолынского, № 61, въ № 1. Видѣть можно въ 10 до 12 час. утра и отъ 3 до 5 час. дня.

ХАРЬКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ БАНКЪ.

Окладный капиталъ . . . 1.000.000 р. — к.

Запасный капиталъ . . . 200.140 „ 28 „

УПЛАЧИВАЕТСЯ ПО ВЛАДАМЪ:

До востребованія . . . 5%
На срокъ до 1 года . . . 5%
На срокъ до 2 летъ . . . 6%
На срокъ до 3 летъ . . . 7%
По текущимъ ссудамъ . . . 4%

Выдаетъ ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ и товаровъ.

Уплачиваетъ векселя.

Переводитъ въ разные города Имперіи денежные суммы.

Принимаетъ на комиссію для полученія векселей, исписанных на русскую или иностранную валюту.

Исполняетъ порученія по покупкѣ и продажѣ разнаго рода цѣнныхъ бумагъ преимущественно же: государственныхъ, гарантированныхъ правительствомъ и заводскихъ листовъ мѣстныхъ земельныхъ банковъ.

Адресъ телеграфнаго и почтоваго: Харьковъ, Торговый Банкъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 27 августа 1881 года.

Пятая хроника: Городская дума. — Изъ городской жизни.

Телеграммы (отъ спеціальнаго корреспондента „Южнаго Края“ и отъ „Международнаго“ телеграфнаго агентства) — изъ провинціи.

Послѣднія извѣстія.

Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южнаго Края“ изъ Старобильска, с. Савинки и с. Борисовки. — Извѣстія другихъ газетъ изъ Киева, Полтавы, Романа и Борозни.

Обозрѣнія газетъ и журналовъ.

Политическое обозрѣніе.

Слѣды.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Замѣтки: Давать четыре года изъ истории харьковскаго театра, (опубліковано) Н. Ч. объявленіи.

ХАРЬКОВЪ.

27-го августа 1881 г.

На святой Руси, уже не вѣсть съ какой поры, ходить — гулять поговорка, что „чужую бѣду бобами разведу, а въ своей бѣдѣ ума не приложу“. Дѣй-

ствительность очень и очень часто подтверждаетъ правдивость этого прадѣдовскаго изреченія. Такъ намъ, россиянамъ, ничего не стоитъ всесторонне разсмотрѣть вопросъ о кандидатурѣ Гамбетты въ Бельвиллѣ; но оказывается до сихъ поръ труднымъ до нельзя дѣломъ — дать сколько-нибудь удовлетворительное рѣшеніе вопросу о всеобщей волости. — Откуда происходитъ это — сказать не легко, да и не безосновно. Очень можетъ статься, что виновато здѣсь, въ значительной долѣ, общее всѣмъ намъ малознаніе народа, непониманіе его дѣйствительныхъ нуждъ, его реальной жизни, — незнаніе и непониманіе, въ которыхъ обличились самъ себя, въ послѣднее время, кое-какіе органы нашей прессы, очень долго имѣвшіе до сихъ поръ притязаніе исключительно вѣдать русскій народъ, рѣзко выдѣляемый этими органами печати, по своему единству, отъ нещадно-гоимой имъ и якобы разрозненной интеллигенціи.

Нѣвѣдѣніе народа и всѣхъ условий его быта замѣтно и въ общихъ и въ частныхъ вопросахъ текущей газетной литературы, между которыми вопросы, кромѣ пресловутыхъ разсужденій о всеобщей волости, имѣютъ несомнѣнное значеніе еще одинъ предметъ, а именно: какъ можно наилучше устроить питательную торговлю въ селахъ. Намъ кажется, что было бы празднымъ дѣломъ вѣдаться въ разсмотрѣніи того: пить ли намъ народъ оттого, что овъ бѣденъ, или же наоборотъ — бѣдность его есть исключительно послѣдствіе повальнаго пьянства. Бываютъ времена, когда нужно скорѣе всего вѣдаться съ однимъ только фактомъ, отбрасывая всѣхъ остальныхъ причинъ, по затруднительности и остротѣ, такъ или иначе установившагося положенія дѣла. Такого именно, въ настоящую минуту, положеніе вопроса о почти повальной пьянствѣ въ селахъ. Стоитъ, для убѣжденія себя въ этомъ, просмотрѣть корреспонденціи любой газеты, а лучше всего — бросить столу, или большій городъ и переселиться куда-нибудь въ деревенскую глушь, для ближайшихъ и непосредственныхъ наблюденій. Результаты будутъ какъ нельзя

болѣе отвѣчать вышепоставленной формулѣ о непомѣрномъ развитіи среди нашего крестьянства самаго отвратительнаго и вреднаго изъ многихъ пороковъ человѣческихъ. Хозяева прощываютъ въ кабакахъ не только послѣднюю свою рухлядь, но даже будущій урожай съ тѣхъ участковъ земли, которые даются имъ, по передѣлу, изъ общественаго поля. Отцы семействъ деспотически закупаютъ въ насѣ, за значительную цѣну (по 12 1/2 р. въ мѣсяцъ) подвальныхъ, хотя и возрастныхъ, сыновей своихъ, а затѣмъ тутъ же пропиваютъ полученныя отъ радчиковъ деньги. Сельскіе сходы, со старостой и писаремъ во главѣ, дружно поставляютъ и добросовѣстно исполняютъ рѣшенія о пропитаніи „міромъ“ или „громоудомъ“ зерна изъ запасныхъ магазиновъ, или сына, скопченнаго и убранныго, съ половины, на лугахъ какаго-нибудь сосѣдняго помещика или иного землевладѣльца. Вообще, водка играетъ роль главнаго регулятора и двигателя дѣла на сельскихъ сходахъ, причѣмъ сила самаго дѣятеля омазывается при-мо-пропорціонально количеству людей, подлежащихъ вліянію этого страшнаго рычага въ крестьянской экономикѣ и политикѣ. Затѣмъ, не слѣдуетъ забывать еще одного обстоятельства: нѣтъ такого сельскаго общества, въ средѣ котораго не было бы, по меньшей мѣрѣ, одного „кулака“ или „мірѣда“, который совершаетъ — и можетъ, при теперешнемъ положеніи дѣла, всегда совершать — всѣ свои моментанскія продѣлки, опять-таки при помощи кабацкой прелести, т. е. водки. Множество статистическихъ данныхъ, сира-ведливо замѣчаетъ газета „Земство“, „собранныхъ за послѣднее время, констатируютъ тотъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ крестьянство распалось на двѣ неравныя группы — людей зажиточныхъ, благосостояніе которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, и бѣдноту, утратившую всякую хозяйственную силу. Между этими группами идетъ борьба, исходъ которой, конечно, не можетъ быть благопріятенъ для послѣдней. Мы могли бы указать много фактовъ, несомнѣнно свѣдѣтельствующихъ, что сельское самоуправленіе, попавши въ руки мірѣдовъ, переста-

етъ служить интересамъ мірскимъ, дѣлаясь орудіемъ одной господствующей группы и т. д. Да, факты эти дѣйствительно многочисленны, и мы знаемъ такіе примѣры, что сельскіе мірѣды, попавшіе въ старосты и особенно въ волостные старшины, обрабатываютъ въ свою пользу, руками „бѣдности“, обширныя поля, засѣяныя пшеницею, наживая такимъ способомъ и иными кривдами, въ союзъ съ кабацкими, многіе десятки тысячъ рублей.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ ежедневно возникаетъ сомнѣніе такого рода: могутъ ли, дѣйствительно, составить сильное противоядіе злу, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, т. е. „общественныя кабаки“, о которыхъ поднали теперь рѣчь многіе честные и уважаемые органы нашей печати? При неизмѣнно точныхъ данныхъ, для насъ представляется открытымъ вопросъ: дѣйствительно ли тамъ, гдѣ были устроены общественныя кабаки, пьянство сократилось, а сельскіе кулаки теряли свою ядовитую силу — располагаясь, по личному произволу, бѣднотой при помощи „своихъ людшекъ“ за прилавками именно этихъ общественныхъ кабаковъ? Затѣмъ еще вопросъ: гдѣ ручательство въ томъ, что общественныя кабаки будутъ открыты при вѣрномъ соображеніи самими крестьянами и своей способностью платить деньги за водку и дѣйствительныя потребности для даннаго села въ такомъ учрежденіи, которое тѣмъ лучше, по нашему убѣжденію, чѣмъ оно дальше стоитъ отъ мужицкаго кармана? Намъ известны такіе примѣры, что немногочисленныя сельскія общества положительно погибали, вслѣдствіе пьянства и безобразій, развившихся очень скоро послѣ открытія мѣстнаго кабака. Кто же поручится въ томъ, что, съ разрѣшеніемъ „общественныхъ кабаковъ“, не останется на святой Руси ни одной глухой деревушки, гдѣ бы не вознеслись немедленно земская елка, или длинный шестъ съ пусто-бутышкой, на гибель кармановъ, мускуловъ и головъ полудикаго сельскаго люда, столь падкаго теперь до одного изъ наиболѣе грубыхъ и унижающихъ чувственныхъ удовольствій?

Вообще, устройство общественныхъ кабаковъ, само по себѣ, не представляется намъ выходящимъ изъ ея тяжелаго положенія для эксплуатируемой толпы, такъ какъ на учрежденіе этихъ кабаковъ и на веденіе въ нихъ торговли неизбѣжно получить вліяніе классъ кулаковъ и мірѣдовъ, въ лицѣ тѣхъ же самыхъ старостъ, старшинъ и писарей. При теперешнемъ умственномъ и нравственномъ состояніи нашего заброшеннаго крестьянства, мы не знаемъ препятствій, которыя бы застѣло съ противопоставить этимъ старшинамъ, старостамъ и писарямъ, для меншеніе-сскихъ сдѣлокъ въ кабакахъ, въ ущербъ тѣмъ обывателямъ села, которыхъ они же, эти предержавцы общественной власти, третируютъ теперь столь же „жестко“, какъ третировали ихъ нѣкоторые изъ помещиковъ, при господствѣ кулачества и мірѣдовъ.

Общественныя кабаки, можетъ статься, окажутся лучше нынѣшнихъ кабаковъ только при самомъ энергическомъ контролѣ мѣстныхъ земствъ надъ учрежденіемъ и эксплуатациею питейныхъ заведеній въ селахъ. Но нашему мнѣнію, земства должны имѣть самыя серьезныя заботы объ установленіи возмѣстнаго мнѣнія кабаковъ и зорко слѣдить за веденіемъ въ нихъ торговли, стараясь, съ другой стороны, объ наибольшемъ увеличеніи школъ въ селахъ, объ установленіи болѣе правильныхъ отношеній между духовенствомъ и народомъ и искореня вредное вліяніе сельскихъ кулаковъ-мірѣдовъ, которые, къ несчастью, находили до сихъ поръ очень нѣжный пріемъ въ нѣкоторыхъ земскихъ управкахъ, благодаря темнотѣ и безгласности нашего бюрократическаго и жалкаго общественнаго быта.

МѣСТНАЯ ХРОНИКА.

Городская дума. 26-го августа, состоялось первое послѣ лѣтнихъ каникулъ засѣданіе нашей думы, предметомъ котораго всецѣло былъ вопросъ о постройкѣ городского дома. Предсѣдатель комиссіи, избранной спеціально для разсмотрѣнія этого вопроса, г. Бразовъ, прочиталъ проектъ плана новаго

Двадцать четыре года изъ исторіи харьковскаго театра (1834—1858).

(Окончаніе *).

III.

Импровизированные пѣвцы и танцовщицы. — Домашнее русское языко. — Актеры, перешедшіе съ харьковской сцены на петербургскую. — Малороссійскій репертуаръ. — Послѣднія проявленія „классической“ школы. — Совершенно „любимскія“ публичныя и борьба театральныя партіи. — Рецензенты. — „Благородные“ спектакли. — Газетные свѣдѣнія.

Время отъ времени, харьковскіе актеры и актрисы обращались въ пѣвцовъ и пѣвицъ и разглагольствовали какою-нибудь оперу, всего чаще „Аскольдъ и Милославъ“. Трагикъ Млоковский исполняетъ партію баритона, „злѣдній“ Миккульскій — партію тенора и т. д. Пѣвцы по профессіи, пѣвцы, говоря языкомъ старинныхъ театровъ, „настоящихъ“ встрѣчаемъ въ харьковской труппѣ всего двухъ: Шмидтъ и Львову. О Шмидтѣ мы уже упоминали. О Львовѣ не имѣемъ почтенныхъ свѣдѣній; знаемъ только, что она пользовалась большимъ успѣхомъ на харьковской сценѣ и покинула ея въ 1842 году. Пѣвцы „настоящихъ“ въ Харьковѣ послѣ Штейна не было въ одно. Прибавимъ, что оперы давали очень рѣдко.

Балетной группы съ половины 30-хъ годовъ харьковскіе антрепренеры не держали. Публика, по словамъ „Имѣя“, довольствовалась тѣмъ, что когда въ антрактахъ танцовали „наши омороченные (вѣроятно, драматическіе) артисты“.

Изъ актеровъ и актрисъ, перебывавшихъ въ харьковской труппѣ, съ конца 30-хъ до конца 50-хъ годовъ, 6 учились въ театральную школу (Тол-

ченковъ, Пронскій, Алексѣевъ, Драпне, Васильевъ и г-жа Федорова), 3-е въ университетѣ (Соленикъ, Горевъ и г. Лавровъ), Милославскій служилъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, Максимовъ былъ цирюльникомъ. Всѣ актеры и актрисы, за весьма немногими исключеніями (къ числу которыхъ надо отнести и драматурга Дмитренко), были люди почти совершенно необразованные. Многіе изъ нихъ не умѣли даже правильно говорить по-русски. Въ 1841 г. В. Дьяченко, разбѣгая въ Харьковскіхъ Вѣдомостяхъ нѣтру Ленской, между прочимъ, замѣтилъ, что „Ленская говоритъ правильнымъ русскимъ языкомъ, а это на нашей сценѣ не бездѣлица“.

Въ 1843 г. Бардакова, одна изъ всѣхъ актрисъ (исключая Млотовскую и Ленскую) говорила чистымъ русскимъ языкомъ. Рыбачковъ въ 1841 г. игралъ въ какой-то трагедіи, вмѣсто „жизнь“ говорилъ „жизнь“, вмѣсто „забылся“, „забылся“. Выходитъ, что малѣйшаго слова до невозможности; вмѣсто, напримеръ, аудіенція говорилъ аудіенція, твердый языкъ замѣнялъ всегда мягкимъ и т. п.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія, какъ выше сказано, харьковской сценѣ не въ рѣдкость было встрѣчаться поляковъ и полячекъ, игравшихъ видныя роли, не смотря на плохое знаніе русскаго языка. Млотовскій говорилъ „какимъ-то полупольскимъ, полурусскимъ, полумалороссійскимъ нарѣчіемъ“. Въ Зеленинскій съ двухъ трехъ фразъ ска-зывался полякъ. И еще дѣтъ 25 тому назадъ немилосердно коверкали русскія слова на польскій ладъ Малевскій и Червинская.

Изъ харьковскихъ актеровъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ перешли на петербургскую сцену Алексѣевъ, Максимовъ, Виноградовъ, Пронскій и Васильевъ. Малороссійскія комедіи и водевили,

лѣтъ 40 — 50 назадъ, игрались очень часто въ харьковскомъ театрѣ (за послѣдніе годы они почему то, къ сожалѣнію, совершенно не ставились). Соленикъ, Бобровъ, Домбровский, Дмитренко, Дрейсигъ, Млотовская и Рыбачкова производили фуроръ, когда появлялись въ пѣскахъ Основыненка и Котляревскаго.

Съ 30-хъ годовъ между харьковскими актерами и актрисами, по крайней мѣрѣ главными, послѣдователѣй старинной школы, если не считать Бабакина, не встрѣчалось, хотя со сцены еще нѣрѣдко раздавались и „адскій смѣхъ“ и напыщенная декламация, но стремленіе къ простотѣ и естественности уже взяло рѣшительный перевѣсъ надъ замашками тѣхъ временъ, когда трагикъ, выли и ходилъ, какъ по канату. Бабакинъ, принадлежавшій къ числу послѣднихъ могиаковъ худолудной игры, возбуждалъ въ публикѣ не сочувствіе, а смѣхъ своими „классическими“ жемами и нелѣпою дикціей.

Стоило появиться на сценѣ одновременно двумъ красивымъ актрисамъ, чтобы театралы раздѣлились на партіи: одна партія вызывала и превозносила до небесъ одну актрису, другая — другую. Въ этой борьбѣ принимали живое участіе и рецензенты, и заучившіе міръ, и сами соперницы. Пока Млотовская одна занимала амбула „драматическою и водевилною любовницы“, всѣ безъ исключенія восхищались „харьковскою Асенковою“, но явилась Ленская, а потомъ г-жа Федорова, и нашлись люди, которые стали кричать, будто Млотовская вовсе не такъ талантлива, какъ думаютъ, будто ей далеко до новѣхъ артистокъ. А на самомъ дѣлѣ съ нею не могли выдержать сравненія ни Ленская, ни г-жа Федорова. Въ концѣ концовъ Млотовская вышла побѣдительницей, благодаря поддержкѣ лучшей части пуб-

лики и здравому смыслу большинства, но борьба обошлась даровитой актрисѣ, повидимому, не дешево: Млотовская была возмущена и оскорблена несправедливостію и придирками своихъ антагонистовъ, что и высказала весьма оригинальнымъ образомъ. Г-жа Федорова, нѣрѣдко танцовала въ антрактахъ русскую пляску. Разъ Млотовская, играя въ какомъ-то водевилѣ, — когда садовало по ходу пьесы танцевать, сказала, что танцовать не будетъ, потому что не умѣетъ, и затѣмъ пропѣла куплеты собственнаго сочиненія, въ которыхъ упрекнула публику и подтрунивала надъ „русскою пляской“ своей соперницы:

Къ чему же за свое мѣ братья? Что О, и горда такъ, признается, И уважаю столько васъ, Что передъ вами расцѣпляется Я не рывуся, не уяса. Вы мнѣ, надѣюсь, извѣстны: Я не танцую никогда. Въмѣсь. Капризомъ не считите, Какъ ужъ считали иногда.

Въ пятидесятыхъ годахъ, когда играли одновременно двѣ молодыя и красивыя, но весьма посредственныя актрисы, Миккульская и Боброва, тоже образовались двѣ партіи. Поклонники Бобровой осыпали цвѣтами Миккульскую и шикали Боброву. Каждый антрактъ обихъ актрис вызывалъ разъ по десяти „Волли, гуль, троль“, случаніе ногами и шиками — продолжалась до тѣхъ поръ, пока нѣсколько человѣкъ не вывели изъ театра. Зрители, не принимавшіе участія въ этой борьбѣ, приходили въ неописанный восторгъ, когда г. крикунамъ приходилось имѣть дѣло съ пѣвцами и пѣвицами. Какъ только въ лицѣ Гейбовичъ являлся опасная соперница для Бобровой и Миккульской, поклонники или, какъ тогда выражались, „пайки“ Бобровой и Ми-

кульской, прежде враждовавшія, стали действовать заодно противъ Гейбовичъ. На средства „пайки“ были не особенно разборчивы и не останавливались даже передъ скандалами.

Театральныя рецензіи помещались въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, а также въ петербургскихъ журналахъ: „Репертуаръ“ и „Пантеонъ“. Писемъ почти никогда не разбирались, критиковалась только игра актеровъ и актрисъ. Между рецензентами встрѣчались люди, сколько-нибудь понимавшіе дѣло (напр., В. Дьяченко, Рымовъ, Беклемишевъ), очень и очень рѣдко. Нѣкоторые рецензенты обращаютъ на себя вниманіе недобросовѣстностью или наивностью авторовъ, а иногда и тономъ, доказывающимъ, что театралы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ не далеко ушли, по своимъ взглядамъ на сценическихъ дѣятелей, отъ современниковъ Лики. Нѣкій Семеновскій, плывавшій молодой и красивой Протасовой, принялся восхвалять ее въ своихъ корреспонденціяхъ, которыя печатались въ „Репертуарѣ“. Вотъ выдержка изъ одной корреспонденціи: „Драматическій талантъ Протасовой выше всякаго сравненія... Она цвѣтетъ красотою восхитительно, цвѣтетъ чудно, очаровательно... Благородныя манеры, прекрасный ростъ, пониманіе роли, строгій и гибкій станъ, дивныя глаза...“ Похвалы критика были такъ пыльны и подозрительны, что редакція не сочла возможнымъ привести исчисленіе всѣхъ прелестей „волшебницы“, упомянувъ „гибкій станъ“ и „дивныя глаза“, наполнила нѣсколько строчекъ точками. Превозносилъ до небесъ Протасову, корреспондентъ старался унизить Млотовскую и жениха Протасовой, актера Ленскаго. Послѣднему Семеновскій совѣтовалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ не играть героинь драмъ и трагедій, а „воспроизводить людей мелкихъ, страстишки ничтожныя“. Статьи Семеновскаго повели

къ полемикѣ, изъ которой выяснялось, что онъ былъ крайне недобросовѣстенъ. Злополучному корреспонденту, разбитому въ пухъ и прахъ, Григорьевъ вывелъ въ водевилѣ „М. А. Губинъ“, подъ фамиліей Вральчичскаго. Одинъ рецензентъ превозносилъ до небесъ Гейбовичъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ. Въ одномъ стихотвореніи, ей посвященномъ, онъ называлъ ее „неземною сибирью“ и восклицалъ:

Какъ ты наивна и мила! И какъ, танцуя изъ игра, Всегда ты ладно хороша!

Далѣе говорились, что любовь „сильфиды“ высшее блаженство, но какое то роковое испытаніе — значитъ погибнуть. Въ заключеніе поэтъ рѣшалъ:

Нѣтъ, нѣтъ, не буду я любить! Я не хочу себя губить!

Рецензенты позволяли себѣ называть актрисъ „милыми“ и дѣлали на ихъ счетъ грязные намеки. Вообще, актрисы третировались довольно безцеремонно. Вотъ, напримеръ, какъ описывалась наружность одной дебютанки: „жена-герой, безъ малаго трехъ аршинъ и полтора въ пѣсчѣхъ съ причиною массивности въ ногахъ“. Про ту же актрису въ одной изъ рецензій сказано: „она напоминала плотную, дебелую, засидѣвшую дѣву“.

Когда Млотовскій выстроилъ каменный „приличный“ театръ, въ Харьковѣ, стали время отъ времени устраиваться публичные „благородные спектакли“. Они давались съ цѣлями филантропическими: въ пользу дѣтскаго пріюта и благотворительнаго общества, а въ крымскую кампанію, въ пользу раненныхъ и больныхъ воиновъ. Дирекціи, обыкновенно, „по предложенію“ губернатора, „уступала“ „аматерамъ“ лучший изъ сборовъ день, „уступала“ безплатно. Фамиліи „аматеровъ“ на афишахъ не всегда означались. Цѣны значительно увеличивались, но не смотря на то, всѣ мѣста бывали заняты. Публика до-

* См. газ. „Южный Край“ № 227-й, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й, 25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й, 35-й, 36-й, 37-й, 38-й, 39-й, 40-й, 41-й, 42-й, 43-й, 44-й, 45-й, 46-й, 47-й, 48-й, 49-й, 50-й, 51-й, 52-й, 53-й, 54-й, 55-й, 56-й, 57-й, 58-й, 59-й, 60-й, 61-й, 62-й, 63-й, 64-й, 65-й, 66-й, 67-й, 68-й, 69-й, 70-й, 71-й, 72-й, 73-й, 74-й, 75-й, 76-й, 77-й, 78-й, 79-й, 80-й, 81-й, 82-й, 83-й, 84-й, 85-й, 86-й, 87-й, 88-й, 89-й, 90-й, 91-й, 92-й, 93-й, 94-й, 95-й, 96-й, 97-й, 98-й, 99-й, 100-й, 101-й, 102-й, 103-й, 104-й, 105-й, 106-й, 107-й, 108-й, 109-й, 110-й, 111-й, 112-й, 113-й, 114-й, 115-й, 116-й, 117-й, 118-й, 119-й, 120-й, 121-й, 122-й, 123-й, 124-й, 125-й, 126-й, 127-й, 128-й, 129-й, 130-й, 131-й, 132-й, 133-й, 134-й, 135-й, 136-й, 137-й, 138-й, 139-й, 140-й, 141-й, 142-й, 143-й, 144-й, 145-й, 146-й, 147-й, 148-й, 149-й, 150-й, 151-й, 152-й, 153-й, 154-й, 155-й, 156-й, 157-й, 158-й, 159-й, 160-й, 161-й, 162-й, 163-й, 164-й, 165-й, 166-й, 167-й, 168-й, 169-й, 170-й, 171-й, 172-й, 173-й, 174-й, 175-й, 176-й, 177-й, 178-й, 179-й, 180-й, 181-й, 182-й, 183-й, 184-й, 185-й, 186-й, 187-й, 188-й, 189-й, 190-й, 191-й, 192-й, 193-й, 194-й, 195-й, 196-й, 197-й, 198-й, 199-й, 200-й, 201-й, 202-й, 203-й, 204-й, 205-й, 206-й, 207-й, 208-й, 209-й, 210-й, 211-й, 212-й, 213-й, 214-й, 215-й, 216-й, 217-й, 218-й, 219-й, 220-й, 221-й, 222-й, 223-й, 224-

Амийская почта. Великобританский генерал — почтмейстер ежегодно опубликовывает отчет о движении частной корреспонденции. В нынешнем году, появившись двадцатый по счету годичный отчет о почтовой службе в Англии за период времени с 1-го апреля прошлого года по 1-е апреля нынешнего. Из отчета видно, что почтовая деятельность в Англии развивается. В течение этого периода времени в Соединенном королевстве было расслано 1.176.423,600 простых писем, что представляет увеличение против предшествовавшего года на 4,3 проц.; открытых писем или так называемых почтовых карт 122.884.000, или на 7,4 проц. больше; пакетов с книгами циркуляров 248.881.600, или на 16,3 проц. больше; газет 133.796.100 экз., или на 2,3 проц. больше против прежнего года. Значительно увеличилось также число заказных писем, которых было переслано 10.034.546, между тем, как в предыдущий год их было 8.737.191. В течение года, открыто 337 новых почтовых урн, общее число которых, во странъ нами 4.549, а число почтовых ящиков 27.709. Для бы облегчить службу почтальонов и ускорить отставку писем, во многих местах существуют велосипеды. Число служащих в почтовом ведомстве к 1-му января нынешнего года состояло 47.000 чл., в томъ числѣ 10.000 женщин. Что касается до быстроты и равенности почтовой службы, то въ доказательство ихъ приводится слѣдующій случай, имѣвшій въ Луаѣ. Триста тысячъ циркуляровъ, бывшихъ двадцать тоннъ, присланные для раздачи одною компаніею и оплаченные марками а 2.380 фунт. ст., были розданы по адресамъ въ столицѣ и въ провинціи, безъ всякаго замѣательства въ теченіи сорока часовъ. Случай потерь писемъ со стороны почтальоновъ былъ очень рѣдкій. Въ числѣ писемъ, оказавшихся безъ адреса, отчетъ упоминаетъ объ одномъ пакѣтѣ, въ которомъ заключался банковый билетъ въ 100 фун. ст. Это письмо, пролежавшее а почтѣ нѣсколько мѣсяцевъ, еще не востребовано. Другое письмо, содержащее чекъ въ 5.000 фун. ст., было найдено при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, — 12-го января, его нашли посреди Темзы, близъ Деңтфорда, на грудахъ мѣта, сваленнаго въ рѣку съ возовъ въ Сити усюмнимою теченіемъ. Это письмо было помѣно на стѣнѣтѣ 6-го января; почтальонъ пояралъ его во время снѣжной бури, свирѣпствовавшей въ ту пору въ Лондонѣ. Адресъ былъ изоборанъ, и письмо съ чекомъ было доставлено по назначенію. Обычай посылать по почтѣ живыхъ или мертвыхъ животныхъ и другіе предметы поддерживается, не смотря на запрещеніе почтоваго регламента. Въ теченіе года, въ посылкахъ живыхъ находились съ адресами образцы колючей и соленой рыби, сосиски, мертвые птицы для изготовленія чучелъ, фрукты, мертвыхъ крысъ и даже живыхъ маленькихъ котятъ.

